

О восприятии России как образовательного направления студентами немецкого университета*

Савельчев Л. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; Isavelchev-17@edu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Цель статьи — изучить восприятие России как образовательного направления среди студентов бакалавриата (В.А.) и магистратуры (М.А.) Рейн-Ваальского университета прикладных наук (Клеве, Германия).

Методы. Исследование построено на методе кейс-стади на примере студентов бакалавриата и магистратуры Рейн-Ваальского университета прикладных наук (Клеве, Германия). Исследовательский вопрос — «Как воспринимают Россию в качестве образовательного направления студенты бакалавриата (В.А) и магистратуры (М.А) Рейн-Ваальского университета прикладных наук в Германии?» — сформулирован на основе рефлексивного и интерпретивистского подходов. Для решения вопроса исследования была выбрана смешанная методология: исследование литературных и интернет-источников, и анкетирование в качестве методов сбора данных, а также контент-анализ в качестве стратегии анализа данных.

Результаты. Результаты исследования показали, что 79% респондентов хотели бы посетить Россию, однако, только 18% респондентов могут рассмотреть Россию в качестве образовательного направления (результаты основаны на 33 ответах из 7390 студентов в целом — обоснование малой выборки содержится в разделе, посвященном методологии). Поразительно низкий интерес к обучению в России объясняется: 1) предпочтениями, лежащими в других образовательных направлениях; 2) языковым барьером; 3) отсутствием информации о российских программах обучения на английском языке и 4) недостаточной финансовой поддержкой обучения в России. Кроме того, результаты опроса показали, что негативное восприятие России как образовательного направления может быть связано с различными ценностями, которых придерживаются студенты Рейн-Ваальского университета прикладных наук, и ценностями, которых придерживается население России в целом (в восприятии иностранных студентов), но это требует дальнейшего изучения.

Выводы. В результате данного исследования можно сделать три основных вывода. Во-первых, в литературе по международным отношениям недостаточно внимания уделяется влиянию международной образовательной мобильности и изменениям в мировоззрении, и ценностях студентов. Во-вторых, высшее образование и международная студенческая мобильность рассматриваются как один из инструментов продвижения ценностей и факторов, способствующих «мягкой силе» государств. В-третьих, результаты кейса Рейн-Ваальского университета прикладных наук, похоже, подтверждают гипотезу Сильвии Ломер о том, что студенты уже позитивно предрасположены к стране, в которой они собираются учиться ввиду своих политико-идеологических установок.

Ключевые слова: студенческая мобильность, мягкая сила, неолиберализм, российский имидж, ценности, международные студенты, германо-российские отношения

Для цитирования: Савельчев Л. А. О восприятии России как образовательного направления студентами немецкого университета // Управленческое консультирование. 2023. № 5. С. 129–145.

* Автор глубоко признателен своему научному руководителю — доктору Иване Джурич (PhD), доценту кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС, которая оказала неоценимую поддержку в вопросах методологии и поделилась знаниями по составлению и написанию научных исследований.

On the Perceptions of Russia as an Educational Destination by the Students at German University

Leonid A. Savelchev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; Isavelchev-17@edu.ranepa.ru

ABSTRACT

Purpose. The purpose of the article was to explore how Russia is perceived as an educational destination among undergraduate (B.A.) and postgraduate (M.A.) students at Rhine-Waal University of Applied Sciences (Kleve, Germany) during the summer semester 2022.

Methods. The research was conceived as a reflective study based on the case-oriented research design and with a single case examined: the Rhine-Waal University of Applied Sciences (Kleve, Germany) and its undergraduate (B.A.) and postgraduate (M.A.) students. To address the research question: “How is Russia being perceived as an educational destination by undergraduate (B.A.) and postgraduate (M.A.) students at Rhine-Waal University of Applied Sciences in Germany?”, a mixed method was selected with archival and document-based research which was paired with a survey as a data collection technique; and a content analysis as a strategy for data analysis.

Results. Results of this survey have showed that 79% of respondents would like to visit Russia, but only 18% of respondents may consider Russia as a place to go studying (results are based on 33 replies out of 7390 students in total — the justification of small sampling is explained in the Methods part). Strikingly low interest to study in Russia was explained by 1) other educational destination preferences; 2) language barrier, and 3) lack of information on the Russian study programs and 4) insufficient financial support of studying in Russia. In addition, the survey results indicated that the negative perceptions of Russia as an educational destination could be related to the different values held by the students at the Rhine-Waal University of Applied Sciences, and those held by general population in Russia (as perceived by the students), but this would require further investigation.

Conclusions. There are three major findings resulting from this study. Firstly, there is an inadequate attention in International Relations’ literature on the influence of international student mobility and change in students’ worldview and values. Secondly, higher education and international student mobility are considered as one of the instruments for value promotion and factors contributing to the soft power of the states. Thirdly, the results of Rhine-Waal University of Applied Sciences case seem to confirm Sylvie Lomer’s hypothesis that students are already positively predisposed to the country where they intend to go studying.

Keywords: student mobility, soft power, neoliberalism, Russian image, values, international students, Russian-German relationships

For citation: Savelchev L. A. On the perceptions of Russia as an educational destination by the students at German university // Administrative Consulting. 2023. N 5. P. 129–145.

Введение

Международная студенческая мобильность является наиболее распространенным видом деятельности по интернализации¹ высшего образования, набирающая все большую популярность. Как отмечает ОЭСР, «потребности все более наукоемких и инновационных экономик стимулируют спрос на высшее образование во всем мире, а рост благосостояния в странах с развивающейся экономикой побуждает

¹ Как отмечает Цзянь Ли, интернализация образования выступает в качестве инструмента, который способствует развитию процессов глобализации, а именно формированию у студентов международного сознания и развития межкультурных навыков общения для выживания в глобальном мире. Интернализация образования подразумевает разработку научно-образовательных проектов на основе взаимовыгодных инициатив и партнерств между правительствами, университетами и образовательными агентствами различных стран [8, с. 13].

детей среднего класса искать возможности получения образования за рубежом»¹. Число студентов, получающих высшее образование за пределами стран своего происхождения, увеличилось с 0,8 млн чел. в 1970-х годах [17, с. 1] до 6,1 млн в 2019 г.² Данные ОЭСР показывают, что глобальное число участников, зачисленных в программы обмена бакалавров, магистров и докторов наук, неуклонно растет и в среднем составляет 5,5% за каждый год в период с 1998 по 2019 г.³

Анализ данных ЮНЕСКО по перемещению международных студентов показывает, что Россия занимает 33-е место в списке предпочтений немецких студентов, в то время как Германия занимает 1-е место в списке образовательной мобильности российских студентов⁴. Этот разрыв в предпочтениях побудил автора выяснить, как Россия воспринимается в качестве образовательного направления студентами на примере Рейн-Ваальского университета прикладных наук (Клеве, Германия). Использование данного кейса стало возможным благодаря тому, что автор статьи участвовал в программе студенческого обмена в Германию от Северо-Западного института управления РАНХиГС в летнем семестре 2022 г.

Помимо прочего предпосылками для проведения исследования послужили прочные двусторонние отношения между Россией и Германией в области образования и науки, которые закреплены различными нормативными документами: например, Концепцией внешней политики Российской Федерации 2016 г., в которой Германия определена как субъект, с которым Россия налаживает «взаимовыгодные двусторонние отношения»⁵, а также Российско-Германской «Дорожной карты» сотрудничества в области образования, науки, научных исследований и инноваций 2018 г.*, рассчитанной на 10 лет плодотворного и взаимовыгодного сотрудничества в научно-образовательной сфере⁶. Как заявила в своем выступлении министр иностранных дел Германии Анналена Бербок в январе 2022 г., в Германии обучается 14 тыс. российских студентов — такого количества нет ни в одной другой стране мира. Кроме того, она подчеркнула, что между российскими и немецкими университетами существует порядка тысячи партнерских связей, которые, как резюмировала А. Бербок, подчеркивают особую ценность образования как важного инструмента в укреплении двусторонних отношений между Россией и Германией⁷.

Обзор литературы показал, что, с одной стороны, высшее образование и международная студенческая мобильность признаются важнейшими факторами и инстру-

¹ OECD, 2021. Education at a Glance 2021: OECD Indicators, OECD Publishing, Paris. С. 213. DOI: 10.1787/b35a14e5-en>.

² Там же, с. 215.

³ Там же.

⁴ Global Flow of Tertiary-level students // UNESCO Institute for Statistics [Электронный ресурс]. URL: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow/slideoutmenu> (дата обращения: 26.10.2022).

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901/?lang=ru (дата обращения: 26.10.2022).

⁶ Российско-Германская «Дорожная карта»* сотрудничества в области образования, науки, научных исследований и инноваций между Министерством науки и высшего образования Российской Федерации и Федеральным министерством образования и научных исследований Федеративной Республики Германия от 10.12.2018, с. 1 // Министерство науки и высшего образования РФ [Электронный ресурс]. URL: https://m.minobrnauki.gov.ru/common/upload/library/2018/12/Rossijsko-Germanskaya_dorozhnaya_karta.pdf (дата обращения: 26.10.2022).

* Действие карты было приостановлено в феврале 2022 г. по инициативе немецкой стороны в связи с политическим кризисом на Украине.

⁷ Политик: Россия, Украина, США, ЕС. Срочное заявление Лаврова и МИД Германии по Украине и Северному потоку [Электронный ресурс]**. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZsbHu11CmMo> (дата обращения: 26.10.2022). **РКН: сайт нарушает закон РФ.

ментами, способствующими «мягкой силе» государств [1; 4; 8; 12; 13; 15; 18]. С другой стороны, высшее образование и международная студенческая мобильность не получили должного внимания в литературе по международным отношениям в рамках таких вопросов, как: а) формирование предпочтений студентов при выборе места обучения; б) влияние международной студенческой мобильности на формирование политико-идеологических установок; а также в) роль международной студенческой мобильности в формировании межгосударственных отношений.

Именно этот пробел в литературе послужил основанием для постановки исследовательского вопроса: «Как воспринимают Россию в качестве образовательного направления студенты бакалавриата (В.А) и магистратуры (М.А) Рейн-Ваальского университета прикладных наук?». Целью данного исследования является проверка гипотезы Сильвии Ломер о том, что выбор образовательного направления зависит от политико-идеологических установок студентов. Согласно моей гипотезе, Россия как образовательное направление будет восприниматься студентами Рейн-Ваальского университета прикладных наук негативно, поскольку Россия не является страной, поддерживающей либеральные идеи, в отличие от Германии. Поэтому студенты не будут идентифицировать себя с Россией и, как следствие, не будут разделять политико-идеологические установки.

Обзор литературы

Целью данного раздела является создание теоретической основы для объяснения сущности студенческой мобильности в международных отношениях и роли ценностей как элемента, формирующего имидж государства. Сначала будут определены ключевые понятия, относящиеся к данной теме: студенческая мобильность, иностранные студенты и ценности. Затем будут раскрыты теории, которые могут пролить свет на взаимосвязь между студенческой мобильностью и международными отношениями.

Мобильность относится к различным перемещениям людей, которые включают в себя ежедневные поездки на короткие или дальние расстояния. Последнее обычно требует пересечения границ и специальных миграционных разрешений [17, с. 4]. В данной статье сделан акцент на международной студенческой мобильности, которая включает в себя лиц, покидающих место своего постоянного проживания и выезжающих на длительный (более 1 года) или короткий (до 1 года) период времени в другую страну с целью обучения в зарубежных университетах. Лица, вовлеченные в такую деятельность, называются международными или иностранными студентами [17, с. 5].

Ценности — это неоднозначный термин, поскольку они могут иметь различное значение в зависимости от контекста. В целом понятие «ценность» относится к убеждению индивида, которое кажется «предпочтительным по сравнению с противоположным» [2, с. 111]; например, быть искренним, а не лживым. Однако, поскольку данная статья относится к области международных отношений, необходимо рассмотреть ценности с политической точки зрения. Согласно утилитарному подходу, политические ценности обозначают все, что необходимо для реализации человеческих потребностей и интересов [2, с. 110]. Предыдущий подход является слишком широким, но необходимым для того, чтобы перейти к следующему — политико-идеологическому подходу. Согласно данному подходу, политические ценности «играют роль культурного образца и социального регулятора» [2, с. 111]. Именно это обоснование политических ценностей предлагается применить в качестве ключевого в данной статье. Предполагается, что «культурный образец» (паттерн) индивида о том, какой образ государства (правовой, демократический, полицейский, авторитарный и т. д.) должен быть образцом, составляют его привлекательность, которая

впоследствии является основополагающим фактором для студентов при выборе страны в качестве места получения образования.

В качестве основы использовалась типология политических ценностей российских граждан, предложенная А. В. Селезневой [3, с. 10]. Эта типология состоит из 20 ценностей, таких как равенство, демократия, частная собственность, национализм, традиционализм, стабильность, солидарность, толерантность, мир, порядок, свобода, верховенство закона и т. д. [Там же]. Однако автор преобразовал типологию А. В. Селезневой таким образом, чтобы представить обе стороны, Россию и Германию, а термины, относящиеся к ценностям, были емкими и понятными для респондентов обеих стран. Например, традиционализм был уточнен путем упоминания таких ценностей, как религия и институт семьи, состоящей из мужчины и женщины, а толерантность — путем упоминания прав ЛГБТ-сообщества и других меньшинств. Предложенная автором типология будет отражена в части, посвященной результатам исследования.

Международная студенческая мобильность может быть объяснена через призму таких теорий международных отношений, как либерализм и неолиберализм (структурный либерализм). Классическая теория либерализма рубежа XVII и XVIII в. исходит из экономической идеи саморегулирующегося рынка, где люди имеют право на жизнь, свободу слова, право формировать ограниченные правительства, основной функцией которых является защита прав личности и частной собственности [16, с. 5]. В свою очередь неолиберализм или структурный либерализм, возникший в 1980-х гг., стал контекстуальным дополнением к уже существующим основам либерализма. Как утверждают Дэниел Деудни и Джон Икенберри, одной из характеристик структурного либерализма является гражданская идентичность — противоположность национальной идентичности реалистической школы, — обозначающая так называемый «западный дух», который включает в себя общие нормы, социальные нравы и политическую идентичность [6, с. 192]. На практике эти элементы «западного духа» являются идеологией, которая воплощается в политической демократии, рыночной экономике, этнической терпимости и личной свободе [Там же], а также в глобальных потоках товаров, услуг и рабочей силы [16, с. 12].

Как отмечают Манфред Штегер и Рави Рой, идеология является одним из проявлений неолиберализма, которую следует понимать как систему общих идей и утверждений, принимаемых большинством людей за истину [16, с. 11]. Эти идеи распространяются через СМИ так называемой глобальной властной элитой: политиками, бюрократами, руководителями транснациональных корпораций, журналистами, знаменитостями, специалистами по связям с общественностью и т. д. Властная элита выступает в качестве кодификатора и защитника неолиберальных идей, насыщая общественное сознание дискурсом идеализированного потребительского рынка [16, с. 12].

Возвращаясь к гражданской идентичности как одной из характеристик неолиберализма, основанной на общих нормах и принципах, связанных с политической демократией, конституционным правительством и правами личности, студенческая мобильность является одним из методов распространения, потребления и интернализации этих идей [6, с. 194]. Удешевление авиаперелетов и развитие информационно-коммуникационных технологий привели к росту мобильности, включая образовательные обмены между либеральными странами (например, США, Канадой и странами ЕС). Культурные, деловые и политические контакты привели к общему образованию, а также к разделению общих норм и ценностей, что в конечном итоге привело к формированию общей идентичности, культуры, а также к размытию национализма и этничности. С последним западное сообщество справляется двумя способами: через проявление лояльности (*loyalty*) и чувств (*sentiment*),

ни одно из которых не преобладает, а также через установление этики толерантности — принятия друг друга как общего «мы» [6, с. 194].

Однако если с государствами, имеющими общие интересы и исторические корни, все более или менее понятно, то каково значение студенческой мобильности между странами с разными идеологиями?

Основываясь на неолиберальной парадигме международных отношений, американский ученый Джозеф Най в 1990 г. разработал концепцию «мягкой силы», которую он раскрыл как «способность убедить одних хотеть того, чего хотят другие посредством привлекательности идей и умения манипулировать политической повесткой» [11, с. 31]. Он указывает, что «мягкая сила» государств «основывается на способности формировать предпочтения других» на основе своих нематериальных активов (ресурсов) [12, с. 7]: культуры, политических ценностей и внешней политики [12, с. 11]. Образование в данной концепции рассматривается как часть «культуры» [Там же], а студенческая мобильность в качестве инструмента публичной дипломатии [12, с. 109]. Под публичной дипломатией понимается косвенная форма влияния одного государства на правительства других государств через общение с гражданским обществом [13, с. 106]. И образовательные обмены являются одним из инструментов такого влияния наряду с конференциями, тренингами, семинарами и каналами СМИ [Там же]. Идея Дж. Найа исходит из того, что студенческие обмены с США являются каналом передачи идей и ценностей, которые, достигнув политических элит, помогают правительству США осуществлять невидимое влияние на государственные решения и политику других акторов [12, с. 13].

Помимо Найа, исследования высшего образования и студенческой мобильности как ресурса «мягкой силы» и инструмента публичной дипломатии проводились и другими учеными. Например, Анна Войчук, Мацей Михалец и Марта Штормовска пришли к выводу о том, что образование как источник «мягкой силы» является «ключевой ареной для будущего потенциала страны, поскольку оно ориентировано на будущее поколение и является средством для расширения возможностей отдельных людей и наций» [18, с. 301]. В свою очередь Цзянь Ли утверждает, что «взаимодействие глобализации и интернационализации высшего образования предлагает неизбежные силы для формирования «мягкой силы» в высшем образовании во всем мире» [8, с. 8]. А Айгерим Раимжанова теоретизирует, что образование как ресурс власти относится не только к мягкой, но и к жесткой силе (силе принуждения и насилия), поскольку оно также обладает характеристиками остроты в экономической перспективе [15, с. 160]. В этой связи она рассматривает высшее образование как ресурс «умной силы» (сочетание «жесткой силы» и «мягкой силы»). Однако она признает, что нет общедоступных литературных источников для эмпирического подтверждения этого тезиса [Там же].

Отдельной категорией дебатов является влияние студенческой мобильности на ценности студентов. Вопрос о том, являются ли студенты положительно предрасположенными к стране, в которой они собираются учиться, остается эмпирически неподтвержденным. Особенно это касается стран с разными культурными традициями, историческими и расовыми различиями. По мнению Лэйли Рустамовой, образование является одним из эффективных ресурсов «мягкой силы», поскольку оно воздействует непосредственно на целевую группу (студентов), которая изначально открыта для такого влияния [1, с. 57]. Так, она утверждает, что образовательные обмены могут влиять на формирование политических установок и ценностей студентов, поскольку психика целевой группы, состоящей из молодых людей в возрасте от 17 до 35 лет, находится в стадии становления и может меняться в процессе приобретения опыта [1, с. 58].

В свою очередь исследование Сильвии Ломер [9], посвященное студенческим обменам в Великобритании с 1999 по 2013 г., ставит под сомнение устоявшееся

утверждение о том, что опыт студенческой мобильности иностранных студентов меняет их отношение к принимающей стране. С. Ломер поясняет, что необходимо различать политическую предрасположенность (political dispositions) и идентификацию (identification): первое относится к политическим и идеологическим убеждениям, а второе — к чувству принадлежности к стране [9, с. 590]. В этой связи она приходит к выводу, что если студент идентифицирует себя со страной, то он автоматически принимает политические и идеологические взгляды принимающей страны [9, с. 590], которые, как указано в начале статьи, могут включать либеральные ценности, такие как права и свободы человека, толерантность, конституционная власть, политическая демократия, мультикультурализм и т. д.

Д. Най и Э. Кэрол не согласились бы с С. Ломер, поскольку их позиция относительно влияния студенческих обменов радикально отличается. Най неоднократно приводит в пример распад Советского Союза как следствие проникновения либеральных идей через образовательные обмены с США с 1958 г. [12, с. 46]. Аналогичным образом сравнительный анализ гражданских и военных образовательных обменов с 1980 по 2006 г, проведенный К. Эткинсон, показал, что образовательные программы США сыграли важную роль в продвижении либеральных ценностей (таких как права и свободы человека и развитие демократических институтов власти) в авторитарных государствах, в частности в СССР [4, с. 17].

Схожую с Д. Наем и К. Эткинсон позицию занимает Уилл Браун. В одном из своих аргументов о том, почему африканские страны, веками находившиеся под колониальным гнетом, отказались принять резолюцию (о выводе российских войск с Украины) против России, У. Браун указывает на тот факт, что часть африканской авторитарной элиты получила образование в СССР¹.

В данном исследовании на примере Рейн-Ваальского университета прикладных наук автором будет предпринята попытка проверить гипотезу Сильвии Ломер о том, что выбор образовательного направления зависит от ценностей студентов. Согласно исходной гипотезе автора, Россия как место получения образования будет восприниматься студентами вышеназванного университета негативно. Этого следует ожидать, поскольку Россия будет рассматриваться как страна, которая не поддерживает либеральные идеи. Поэтому ожидается, что студенты вряд ли будут идентифицировать себя с Россией и, как следствие, не будут разделять то, что С. Ломер называет «политическими установками».

Методология

Исследование основано на методе кейс-стади, в качестве кейса выступает Рейн-Ваальский университет прикладных наук (Клеве, Германия). Исследовательский вопрос — «Как воспринимают Россию в качестве образовательного направления студенты бакалавриата (В.А) и магистратуры (М.А) Рейн-Ваальского университета прикладных наук?» — сформулирован в соответствии с рефлексивным (reflective) и интерпретивистскими (interpretivist) подходами. В основу исследования положена смешенная методология (качественная и количественная), включающая исследование литературных и интернет-источников, и анкетирование в качестве методов сбора данных; а также контент-анализ в качестве стратегии анализа данных.

¹ Brown W. History, politics and mercenaries: why so many African nations are quietly standing by Putin // The Telegraph. 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.telegraph.co.uk/global-health/terror-and-security/history-politics-mercenaries-many-african-nations-quietly-standing/?WT.mc_id=e_DM1549300&WT.tsrc=email&etype=Edi_GHS_New_Daily&utm_source=email (дата обращения: 20.10.2022).

Анкетирование проводилось дистанционно с использованием электронного ресурса «Forms» от компании Microsoft 365. Эта функция дает возможность проводить опросы удаленно с помощью гиперссылки, обрабатывая данные автоматически и представляя ответы респондентов в систематизированном виде. Анкета была отправлена студентам Рейн-Ваальского университета прикладных наук через мессенджер WhatsApp. Данный метод обусловлен тем фактом, что у исследователя не было доступа к более формальному каналу коммуникации, например, корпоративной электронной почты студентов.

В основу отбора целевой группы исследования была положена невероятностная выборка по принципу удобства¹, поскольку она подходит для интерпретивистского исследовательского подхода. Данная выборка подразумевает, что отбор потенциальных участников был субъективным и потенциальные респонденты не имели равного шанса стать участниками исследования. Основная ценность невероятностной выборки состоит в том, чтобы представить опыт, мнения и взгляды людей по рассматриваемому вопросу [14, с. 100]. Невероятностная выборка по принципу удобства не требует никаких процедур, кроме как принципов удобства и доступности при отборе потенциальных участников [14, с. 102].

Для анализа данных использовался контент-анализ. Контент-анализ позволяет исследователю анализировать социальные артефакты, такие как убеждения и тенденции, чтобы сделать надежные, воспроизводимые и достоверные выводы из текстов [5, с. 184]. В данной работе контент-анализ используется для интерпретации контекста ответов участников и подсчета количества упоминаний, когда то или иное слово, или фраза были использованы респондентом. Цель этого — выявить тенденции, которые могут помочь автору прийти к ответу на исследовательский вопрос: например, что стоит за причинами участия или не участия индивида в образовательной мобильности в Россию.

Что касается ограничений исследования, то, прежде всего, они касаются репрезентативности результатов исследования. В опросе приняли участие 35 студентов, среди которых: а) 3 студента по обмену (краткосрочное обучение от 6 месяцев до 1 года); б) 17 студентов с немецким гражданством, получающих степень бакалавра или магистра; и в) 15 студентов с иностранным гражданством (не немецким), также получающих степень бакалавра или магистра. Относительно небольшая выборка объясняется тем, что исследование проводилось в конце семестра, в период экзаменов, что могло негативно повлиять на желание целевой группы участвовать в опросе. Также нежелание участвовать в опросе могло быть связано с негативным настроением студентов в связи с ситуацией в Украине. Хотя результаты опроса ни в коем случае нельзя брать за основу для обобщений, их все же можно использовать как отправную точку для более исчерпывающего будущего исследования. При традиционном взгляде на опросы и статистический анализ выборка может показаться слишком маленькой, однако в качественном исследовании ее вполне достаточно. На самом деле сама случайность респондентов (не выбранных намеренно) делает результаты более сильными и значимыми.

Также, поскольку вопрос исследования является интерпретивистским, результаты могут быть невоспроизводимыми и необъективными, так как выводы основаны на понимании автором социального контекста [7, с. 25].

Результаты исследования и обсуждение

В исследовании приняли участие 35 студентов из 13 стран, представляющих 7 различных программ бакалавриата и магистратуры. Подавляющее большинство студен-

¹ Non-probability sample of convenience.

тов были зачислены на программу бакалавриата по международным отношениям — 25 чел., остальные 10 студентов представляли другие программы (машиностроение, гендер и разнообразие, международный бизнес и менеджмент, и биоинженерия). Из этих 10 студентов 8 чел. были студентами бакалавриата и 2 — магистратуры. Граждане Германии составили около половины респондентов — 17 чел.; остальные 18 чел. были гражданами России, Испании, Франции, Албании, Камеруна, Бразилии, Молдовы, Чили, Индии, Вьетнама, Ирана, Турции и Казахстана. Возраст участников варьировал от 18 до 27 лет, со средним значением в 20 лет. С точки зрения гендерного распределения представители женского пола составили — 51%, а представители мужского пола — 49%. Ввиду того, что среди респондентов было два гражданина России, они не были включены в анализ данных, так как это могло бы исказить результаты. Таким образом, анализ результатов опроса основан на ответах 33 респондентов из числа студентов, не являющихся гражданами России.

В части, посвященной обучению в России, студентам были заданы вопросы о том, бывали ли они когда-либо в России, а также о гипотетической возможности приезда в Россию в будущем. Большинство студентов — 31 чел. (94%) никогда не были в России. В свою очередь, 26 (79%) респондентов хотели бы посетить страну в будущем; трое (9%) отказались от такой возможности, а четверо (12%) не ответили на вопрос. Среди тех, кто отказался от возможности посетить Россию и не ответил на вопрос, лишь несколько респондентов обосновали отрицательное решение, назвав следующие причины: а) текущая политическая ситуация (3 ответа); б) языковой барьер (1 ответ) и в) отсутствие информации об образовательных программах (1 ответ). Два (6%) респондента из Казахстана и Германии, которые уже посещали Россию, оценили свое пребывание как среднее, поставив 5 баллов (по шкале от 1 до 10, где 1 — очень разочарован и 10 — очень доволен). Однако они не указали и не обосновали никаких положительных или отрицательных впечатлений, связанных с их пребыванием.

Когда респондентов спросили, рассматривали ли они Россию в качестве образовательного направления на семестр или с целью получения диплома в прошлом (до февраля 2022 г.), только 6 студентов ответили положительно, в то время как 25 студентов ответили отрицательно, остальные 2 респондента не стали отвечать на вопрос. Те, кто заявили о своей заинтересованности в проведении семестра в России, в качестве основной мотивации указали российскую культуру (включая самих людей, язык и историю). Кроме того, участники выразили интерес к Центральной Азии, постсоветскому пространству и российской системе образования.

Напротив, студенты, отклонившие возможность обучения в России, упомянули следующие причины: заинтересованность в других образовательных направлениях (9 раз), языковой барьер (4 раза); отсутствие информации об образовательных программах на английском языке (2 раза); и по одному ответу за а) восприятие России как неподходящего места для обучения и б) как непривлекательное место для обучения. Кроме того, участники были обеспокоены тем, что учебный план будет основан на политической пропаганде и предполагаемом пренебрежении правами человека и меньшинств, или, как заявил один из респондентов, «несовместимостью моральных взглядов» в отношении ЛГБТ-сообщества.

Отвечая на вопрос о перспективах обучения в России, большинство, а именно 26 (79%) респондентов, отвергли возможность провести в России хотя бы один семестр или получить диплом. Шесть респондентов (18%) подтвердили свою заинтересованность, а один человек (3%) воздержался от ответа на этот вопрос. Те, кто подтвердили свой интерес к будущей перспективе поступления на программы российских вузов, четыре раза отметили российскую культуру как основную мотивацию для обучения в России. Среди 26 отрицательных ответов 11 раз упоминались предпочтения в других образовательных направлениях, 5 раз была названа текущая

политическая ситуация в Украине, 2 раза упоминался языковой барьер; один студент выразил мнение, что Россия не может предложить качественное образование по сравнению с Германией, и еще один студент затруднился высказать свое мнение по данному вопросу.

Таким образом, 79% респондентов хотели бы посетить Россию, но только 18% студентов могут рассмотреть Россию в качестве образовательного направления. Примечательно, что на вопрос «Что привлекает вас в выборе России в качестве места учебы?» наиболее часто упоминаемый ответ был связан с русской культурой (7 раз), что говорит об относительно высокой осведомленности и признании высокой российской культуры (это тем более актуально, учитывая средний возраст респондентов в 20 лет). Другие ответы включали беспокойство по поводу финансовой поддержки (1) и стоимости обучения (1); суровой погоды (1); недоброжелательного отношения к иностранцам (1); безопасности (т. е. личной защищенности) (2); проблем с правами человека (1) и политической ситуации (1).

Возникает вопрос: посредством чего формируется негативное представление о российской культуре и России в целом, в частности среди тех многих студентов, которые никогда не были на территории России? Можно предположить, что негативные представления о России формируются под влиянием средств массовой информации как местных, так и международных (например, посредством информационных агентств, газет, телевидения и социальных сетей), а также под влиянием авторитетного мнения в лице профессорско-преподавательского состава в стенах университетов. Стоит отметить, что в текущей политической обстановке и, в особенности, после февраля 2022 г., Россия сильно ограничена в продвижении и построении собственного образа за рубежом по причине того, что ее главные институты проецирования «мягкой силы» — Россотрудничество, Русский Мир, Russia Today и Sputnik ограничены в своей деятельности или вовсе запрещены на территории стран «Запада».

Поскольку культура является обобщенным понятием, включающим такие подкатегории, как, например, образование, музыка, театр или литература, участников опроса спросили, какие конкретно элементы российской культуры их больше всего интересуют (см. рис. 1).

На рис. 1 показано, что респонденты выразили интерес прежде всего к таким элементам российской культуры, как русский язык (17), туризм (14), литература (14) и национальная кухня (12). В то время как образование заняло лишь 7-е место. Результат того, что русский язык оказался более популярным, чем туризм и театр, оказался несколько неожиданным. Низкий рейтинг театра можно объяснить тем, что основной целевой группой опроса была молодежь, которая в силу своего социального опыта и возраста не знакома и не интересуется высокой культурой с театральными постановками и спектаклями. В то же время туризм и русская кухня были оценены этой группой гораздо выше, что, с точки зрения возраста, является ожидаемым и неудивительным.

Достаточно высокий интерес к русскому языку можно объяснить тем, что большинство студентов, принявших участие в опросе, специализировались в области международных отношений, где владение различными языками является одним из конкурентных преимуществ для карьеры продвинутого специалиста (очевидно, что язык является основным средством в дипломатическом общении и решении международных проблем). В то же время достаточно низкий рейтинг образования (7-е место) можно объяснить тем, что иностранные студенты не знают и не информированы о российских образовательных программах на английском языке, доступных для иностранных студентов. Кроме того, представляется вполне корректным предположить, что причина, по которой подавляющее большинство студентов отвергли возможность получить высшее образование или хотя бы провести

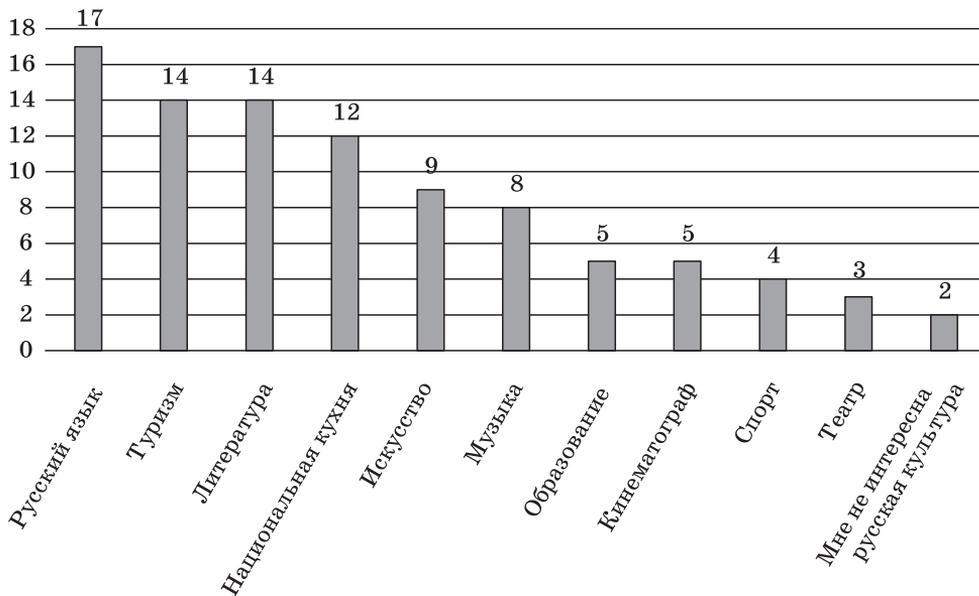

Рис. 1. Интересы иностранных студентов к русской культуре по категориям
 Fig. 1. Ranking elements of Russian culture according to their interest to foreign students

академический семестр в России, связана с их (неправильным) восприятием ожидаемого диссонанса между их личными ценностями и системой ценностей в России. Как уже говорилось ранее в теоретической части, западные страны (США или страны ЕС) в основном финансируют и реализуют программы студенческого обмена для продвижения на международном уровне либеральных идей и внешней повестки дня, особенно в странах, которые они считают нелиберальными, включая Россию. Тем не менее, как показало данное исследование, студенты, обучающиеся в Германии (как немецкие граждане, так и представители других государств), уже позитивно настроены по отношению к Германии и другим странам, продвигающим схожие или идентичные либеральные ценности. Таким образом, если исходить из этого, Россия с самого начала была бы просто непривлекательным местом учебы для этих либерально ориентированных студентов. Соответственно, их беспокойство по поводу того, «чему их будут учить в стране, отличной от нелиберальной?», ожидаемо сильно отталкивает.

Исследование вопросов относительно ценностей студентов было предпринято в четвертой, заключительной части исследования. В ней предполагается, что ценности, и, в особенности, политические ценности студентов, указывают на их желание и предрасположенность учиться в той или иной стране. В первом вопросе студентам предлагалось выбрать до трех ценностей из списка, указав, какие из них им наиболее важны (см. рис. 2). В результате шестью главными ценностями оказались: 1) безопасность (в значении личной защищенности) — 21 ответ; 2) свобода слова и прессы — 19 ответов; 3) верховенство закона — 15 ответов; 4) равенство — 15 ответов; 5) толерантность (включая права ЛГБТ и других меньшинств) — 14 ответов, и 6) межкультурное сообщество — 14 ответов. Традиционные ценности (включая религию, а также семью, определяемую как союз мужчины и женщины) оказались наименее значимыми для студентов и были упомянуты три раза. Авторитет государства на мировой арене был упомянут лишь дважды, а па-

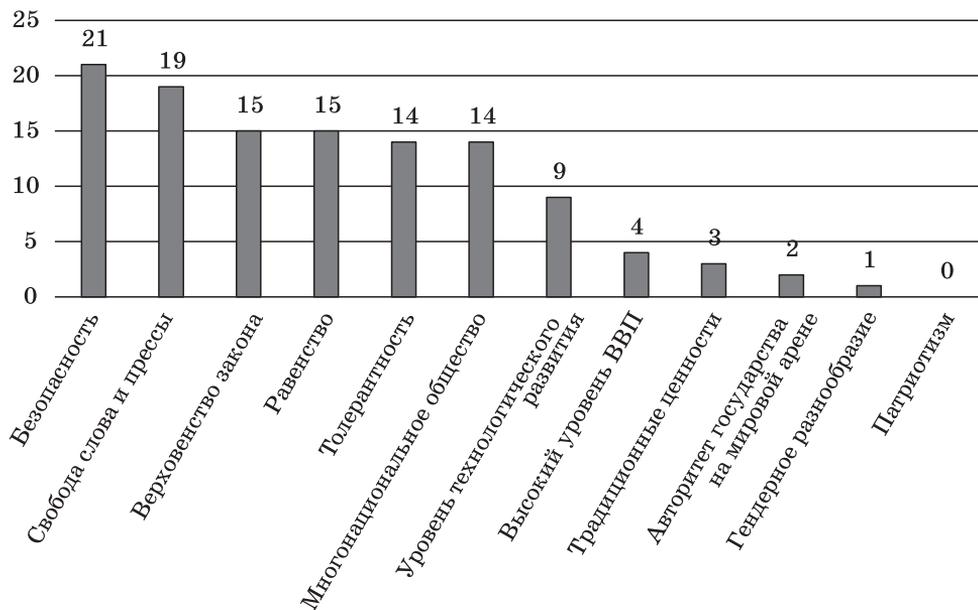

Рис. 2. Ценности, выбранные как наиболее актуальные и важные для студентов
 Fig. 2. Values that are most relevant and important to the students

триотизм, что показательно, вообще не упоминался.

Результаты показывают, что безопасность (в значении личной защищенности) является наиболее значимым элементом жизни людей, что не является чем-то удивительным, учитывая, что эта категория не имеет ничего общего с либеральными ценностями, а является одной из самых основных человеческих потребностей, как указывает всемирно известный психолог Абрахам Маслоу [10, с. 376]. Что неожиданно, наименьшей популярностью пользуются традиционные ценности, такие как моральные ожидания в отношении распространенного принятия отношений только с разнородным партнером, и отношение к религии. Это подтверждает ожидания, что участники опроса, скорее всего, будут сторонниками либеральных идей, чем нелиберальных. Таким образом, данный результат позволяет сделать вывод о том, что большинство поступающих студентов, а также тех, кто рассматривает возможность обучения за рубежом в будущем, будь то семестр по обмену или полноценная программа обучения, с большой вероятностью будут разделять те же ценности, в особенности политические. Другими словами, вполне обоснованно ожидать уже существующую высокую совместимость в ценностях и мировоззрении между поступающими студентами и принимающим обществом.

Во втором и третьем вопросах заключительной части опроса респондентов просили оценить по шкале Лайкерта важность ценностей для населения России и Германии соответственно. Вопрос, касающийся России, был сформулирован следующим образом: «Насколько, на ваш взгляд, важны эти ценности для населения России в целом?». Результаты показывают (см. таблицу), что, по мнению студентов, наиболее важной ценностью для населения России является патриотизм. В целом 31% студентов указали, что, по их мнению, россияне очень патриотичны, а 51% считают патриотизм значимым для населения России. В совокупности это дает

Восприятие важности ценностей для населения России студентами Рейн-Ваальского университета прикладных наук
 Table. Ranking of the importance of the values of Russian population by students of the Rhine-Waal University of Applied Sciences

Критерий	Количество оценок %				
	очень незначи- тельно	незначи- тельно	умеренно	значи- тель- но	очень значи- тель- но
Верховенство закона	3	27	39	27	3
Безопасность	3	12	42	36	6
Равенство	12	26	56	6	—
Толерантность	40	37	15	—	—
Традиционные ценности	—	—	18	46	34
Многонациональное общество	9	24	39	24	3
Гендерное разнообразие	31	26	27	15	—
Патриотизм	—	—	18	51	31
Свобода слова и прессы	23	31	36	9	3
Авторитет государства на мировой арене	3	3	15	39	39
Уровень технологического развития	—	15	24	58	3
Высокий уровень ВВП	—	6	58	30	6

82% респондентов, убежденных в жизненно важной роли патриотизма в жизни россиян. Что касается восприятия важности традиционных ценностей для россиян, респонденты обрисовали похожую картину: 34% студентов оценили их как очень важные, а еще 46% респондентов как важные. В целом 80% студентов считают, что традиционные ценности имеют значение для россиян. Авторитет государства на мировой арене был также оценен студентами как жизненно важная ценность для российского населения, занимая третье место в порядке значимости после патриотизма и традиционных ценностей.

В свою очередь наименее значимыми для российского населения, по мнению респондентов, являются именно либеральные ценности: а) толерантность (40% респондентов оценили ее как очень незначительную и 37% как незначительную); б) свобода слова и прессы (23% как очень незначительную и 31% как незначительную); а также в) гендерное разнообразие (31% как очень незначительную и 26% как незначительную). В целом более 50% респондентов отметили, что, по их мнению, толерантность (77%), свобода слова и прессы (54%), и гендерное разнообразие (57%) имеют наименьшее значение и ценность для российского общества.

На вопрос: «С какой страной выбранные вами ценности наиболее соотносятся?» — все студенты указали Германию. В развитие предыдущего обсуждения и ранее высказанных сомнений относительно источников представлений студентов Рейн-Ваальского университета прикладных наук, а также их возможных предрасположений относительно России, результаты опроса, похоже, указывают

в сторону высокого влияния популярной культуры. Учитывая молодой возраст респондентов, можно с полной уверенностью предположить, что результаты опроса следует приписать типичному (неправильному) изображению России в голливудских блокбастерах, которые с большой вероятностью потребляются этой группой людей.

Показательно, что никто из респондентов не знаком с Россотрудничеством — российской организацией, занимающейся гуманитарным сотрудничеством, финансированием российских образовательных программ и продвижением российской культуры за рубежом. Этот факт может свидетельствовать либо о недостаточном или неэффективном продвижении российской культуры этим учреждением, либо об общем нежелании западных стран позволять продвигать российскую культуру из-за предполагаемой угрозы либеральным нормам и ценностям в их странах. Другое возможное объяснение — отсутствие интереса иностранных студентов к русской культуре — кажется маловероятным и было опровергнуто в данном, хотя и ограниченном исследовании.

Наконец, что касается информированности об отдельных российских университетах, респонденты продемонстрировали довольно узкие знания, упомянув только РАНХиГС и Высшую школу экономики (по одному разу), Санкт-Петербургский государственный университет (дважды) и Московский государственный университет имени Ломоносова (четыре раза). К сожалению, большинство респондентов не смогли назвать ни одного российского университета. Эти результаты могут объясняться, как было установлено в ходе опроса, не только недостатком информации о российских образовательных программах и доступном финансировании, но также и острой необходимостью в более активной маркетинговой деятельности по продвижению российских образовательных услуг за рубежом и более активном внедрении и применении инструментов «мягкой силы».

Выводы

В ходе анализа данных, собранных с помощью онлайн-опроса, подтвердилась гипотеза о том, что Россия как образовательное направление будет восприниматься студентами Рейн-Ваальского университета прикладных наук (Клеве, Германия) негативно ввиду того, что Россия не относится к лагерю либеральных государств. Результаты опроса выявили заметный интерес иностранных студентов к русской культуре в целом. Однако образование (как одна из категорий культуры в более широком понятии) занимает лишь 7-е место в списке предпочтений студентов Рейн-Ваальского университета прикладных наук, уступая таким элементам культуры, как язык, туризм, литература и национальная кухня.

Результаты опроса показывают, что 79% респондентов хотели бы посетить Россию, когда нынешняя политическая ситуация, вызванная кризисом на Украине, стабилизируется. Однако только 18% респондентов рассматривают Россию в качестве образовательного направления. Преобладающими причинами этого являются: 1) интересы в других образовательных направлениях; 2) языковой барьер; 3) отсутствие информации о российских учебных программах на английском языке и 4) недостаточная финансовая поддержка для обучения в России.

Что касается представлений студентов о политических ценностях, участники определили шесть групп ценностей, которые являются для них наиболее важными (в порядке приоритетности): 1) безопасность; 2) свобода слова; 3) верховенство закона; 4) равенство; 5) толерантность (включая права ЛГБТ и других меньшинств); и 6) многонациональное общество. Но, в то же время, респонденты заявили, что из этих шести ценностей наименее приоритетными для российского населения (в порядке убывания) являются: 1) толерантность; 2) свобода сло-

ва; и 3) гендерное разнообразие. И наоборот, традиционные ценности и патриотизм были оценены респондентами как самые высокие ценности в России, что было ожидаемо. Однако похоже, что эти ценности не являются одинаково важными для респондентов — студентов Рейн-Ваальского университета прикладных наук, поэтому они получили низкие оценки, занимая наименьшее значение в их жизни. Эти результаты показывают, что студенты Рейн-Ваальского университета прикладных наук являются скорее сторонниками либеральных ценностей, чем нелиберальных, и, скорее всего, они уже позитивно настроены по отношению к Германии и другим странам, придерживающимся схожих или идентичных политических взглядов, отличающихся от нелиберального лагеря, к которому они относят Россию.

В результате 100% студентов на вопрос, с какой страной, Россией или Германией, их ценности резонируют больше всего, единогласно выбрали Германию. Негативное восприятие студентами России как образовательной дестинации следует рассматривать как результат сложной последовательности причин. Главной из них являются ценности, включая политико-идеологические установки студентов, которые они воспринимают как несовпадающие с ценностями российского общества. Однако представления иностранцев о стране не могут складываться за рубежом сами по себе, а являются результатом процессов влияния и потребления различного рода информации (в качестве примера можно привести ранее обсуждавшийся результат опроса, где 94% респондентов заявили, что никогда не были в России). Вполне вероятно, что фильмы, СМИ, социальные сети и другие формы популярной культуры, включая американские блокбастеры, могут быть одной из причин того, что Россия имеет негативный образ и представляется студентам непривлекательной. Вторая причина — недостаток информации о российских образовательных программах, стипендиях и перспективах российского высшего образования среди иностранных студентов, что может свидетельствовать о недостаточной или неэффективной деятельности учреждений, ответственных за продвижение российской культуры за рубежом, таких как Россотрудничество и Русский мир. Третья причина, которая также тесно связана со второй, связана с влиянием внешнеполитической повестки дня. Россия ограничена в продвижении собственного имиджа за рубежом в силу того, что он отличается от позиции либеральной точки зрения или, как ее иногда называют в российском политическом дискурсе, позиции «коллективного «Запада».

Подведем итог: проанализированные данные позволяют сделать вывод о том, что разделяемое мировоззрение и политико-идеологические установки с высокой долей вероятности играют важную роль в выборе студентами места обучения за рубежом. Этот и подобные вопросы, связанные с ролью мягкой силы высшего образования и международной студенческой мобильности в формировании национального имиджа, а также построении и укреплении межгосударственных отношений на примере кейсов России и Германии, требуют дальнейшего анализа и будут рассмотрены в магистерской диссертации автора.

Литература

1. *Рустомова Л. Р.* Мягкая сила и публичная дипломатия : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2021.
2. *Селезнева А. В.* Основные подходы к исследованию политических ценностей // Вестник Московского университета. 2007. № 3. С. 110–117.
3. *Селезнева А. В.* Политические ценности в современном массовом сознании: психологический анализ // Южно-российский журнал социальных наук. 2014. № 2. С. 6–18.
4. *Atkinson C.* Does Soft Power Matter? A Comparative Analysis of Student Exchange Programs

- 1980–2006 // Foreign Policy Analysis. 2010. N 6 (1). P. 1–22.
5. Berg B., Lune H. Qualitative Research Methods for the Social Sciences. 9th ed. New Jersey : Pearson Education, 2017.
 6. Deudney D., Ikenberry J. The nature and sources of liberal international order // Review of International Studies. 1999. N 25. P. 179–196.
 7. Lamont C., Boduszynski M. Research Methods in Politics and International Relations. Sage Publications, 2020.
 8. Li J. Conceptualizing Soft Power of Higher Education. Globalization and Universities in China and the World, 2018.
 9. Lomer S. Soft power as a policy rationale for international education in the UK: a critical analysis // Higher Education. 2017. N 74 (4). P. 581–598.
 10. Maslow A. A Theory of Human Motivation. Psychological Review. 1943. N 50 (4). P. 370–396.
 11. Nye J. Bound to lead: The Changing Nature of American Power. Basic Books, A Member of Perseus Books, L.L.C., 1990.
 12. Nye J. Soft Power the Means to Success in World Politics. New-York : Public Affairs, 2004.
 13. Nye J. The Future of Power. New-York : Public Affairs, 2011.
 14. Pattern M., Newhart M. Understanding Research Methods: An overview of the Essentials. Tenth edition. New-York : Routledge, 2018.
 15. Raimzhanova A. Hard, Soft, and Smart Power — Education as a Power Resource. Peter Lang, 2018.
 16. Steger M., Roy R. Neoliberalism: A very short introduction. Oxford University Press, 2010.
 17. Waters J., Brooks R. Student Migrants and Contemporary Educational Mobilities. Cham : Palgrave Macmillan, 2021.
 18. Wojciuk A., Michałek M., Stormowska M. Education as a source and tool of soft power in international relations // Eur Polit Sci. 2015. N 14. P. 298–317.

Об авторе:

Савельчев Леонид Александрович, студент магистратуры факультета международных отношений и политических исследований Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); Isavelchev-17@edu.ranepa.ru.

References

1. Rustamova L.R. Soft power and public diplomacy: textbook / L.R. Rustamova. Moscow: KNORUS, 2021 (in Rus).
2. Selezneva A.V. Basic approaches to understanding political values // Vestnik of Moscow University [Vestnik Moskovskogo universiteta]. 2007. N 3. P. 110–117 (in Rus).
3. Selezneva A.V. Political Values in Modern Mass Consciousness: A Psychological Analysis // South-Russian Journal of Social Sciences [Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk]. 2014. N 2. P. 6–18 (in Rus).
4. Atkinson C. Does Soft Power Matter? A Comparative Analysis of Student Exchange Programs 1980–2006 // Foreign Policy Analysis. 2010. N 6 (1). P. 1–22.
5. Berg B., Lune H. Qualitative Research Methods for the Social Sciences. 9th ed. New Jersey : Pearson Education, 2017.
6. Deudney D., Ikenberry J. The nature and sources of liberal international order // Review of International Studies. 1999. N 25. P. 179–196.
7. Lamont C., Boduszynski M. Research Methods in Politics and International Relations. Sage Publications, 2020.
8. Li J. Conceptualizing Soft Power of Higher Education. Globalization and Universities in China and the World, 2018.
9. Lomer S. Soft power as a policy rationale for international education in the UK: a critical analysis // Higher Education. 2017. N 74 (4). P. 581–598.
10. Maslow A. A Theory of Human Motivation. Psychological Review. 1943. N 50 (4). P. 370–396.
11. Nye J. Bound to lead: The Changing Nature of American Power. Basic Books, A Member of Perseus Books, L.L.C., 1990.
12. Nye J. Soft Power the Means to Success in World Politics. New-York : Public Affairs, 2004.
13. Nye J. The Future of Power. New-York : Public Affairs, 2011.
14. Pattern M., Newhart M. Understanding Research Methods: An overview of the Essentials. Tenth

- edition. New-York : Routledge, 2018.
15. Raimzhanova A. Hard, Soft, and Smart Power — Education as a Power Resource. Peter Lang, 2018.
 16. Steger M., Roy R. Neoliberalism: A very short introduction. Oxford University Press, 2010.
 17. Waters J., Brooks R. Student Migrants and Contemporary Educational Mobilities. Cham : Palgrave Macmillan, 2021.
 18. Wojciuk A., Michałek M., Stormowska M. Education as a source and tool of soft power in international relations // Eur Polit Sci. 2015. N 14. P. 298–317.

About the author:

Leonid A. Savelchev, Master's Student at Faculty of International Relations and Political Studies of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation); lsavelchev-17@edu.ranepa.ru